

Сергей Рядченко

Любимая улица в родной Одессе

В нашем случае одной улицей никак не обойтись. И вообще говорить за Одессу коротко не совсем прилично.

Для начала скажем – Среднефонтанская; та, где бытуют номера 14-А и 14-Б, та, которая, ушмыгнув от скверика на Старосенной, от некогда булочной на углу рядом с ликёро-водочным мимо некогда уютного, как для своих, гастронома с икрой и крабами в банках в свободном доступе и отделения милиции с нехитрым жильем для милиционеров тут же, от нас через забор, а напротив – деревянных тогда ступеней с перилами, возводящих на тогда деревянный, весело-скрипучий, выкрашенный в красное мост, что спрямлял нам пути наши над расходящимися под мостом во все концы Евразии рельсами со шпалами, – мимо него эта наша сокрытая от чужаков Среднефонтанская не долго и не коротко достигает 5-го Бассейного переулка, и вот вам и Сахалинчик! И бегай отсюда сколько надо через рельсы в уже другой, тоже свойский, гастроном за зельцем на закуску; только под поезд не угоди. А во дворике здесь на 5-м Бассейном во дворе туалет с кухнями, а в комнате наверх к нашему другу Жене Коненкину, куда нагрывались мы всей гурьбою, ведут (в любое время дня и ночи) черные сварные ступени, которые по старости кое-где «поотваривались» и разногласно ноют под шагами не хуже клавишина ... А паровозы громко гудели, и валил из труб у них чёрный дым, помечая сажей и копотью всех, кто зазевался...

Нынче мост уже не тот, что тогда, и не на том он месте.

Далее.

Французский бульвар во всю свою длину с самой красивой в мире осенью... Тут и арка на Отраду, красота из красот, разноцветная с кованными воротами из двух створок и решетками на стрельчатых оконцах. Была внутри перед выходом на обрыв и вторая арка. Была да сплыла.

Тут же сразу улица Пироговская, где на углу с бульваром на месте разбомбленки построили писательский дом под номером один, примкнувший к номерам три, пять и семь-девять с бесподобными в них проходными (сквозь

весь квартал) дворами. А на правой стороне легендарный госпиталь, где вас всё еще могут взять да вылечить... И вся Пироговская от бульвара, от Отрадной арки вдоль штаба и Куликовского поля, мимо Дома офицеров и домиков с башенками, стадиона СКА и некогда двух школ, 59-й и 16-й, упирается в ту самую железную дорогу с тем самым мостом. Когда-то из Отрады с моря сквозь арку весь лютый февраль напролёт дул страшный ветруган, и Пироговская покрывалась гололёдом; и выйдя из дома, воротиться в него можно было уже только летом... Теперь климат смягчился и ветра поутихли.

А упирается в Пироговскую Пироговским переулком Новоаркадиевская дорога, ныне проспект Шевченко, а в двух кварталах его (её) пересекает проспект Гагарина (бывшая Ботаническая) с незабываемыми вторым интернатом и школой №35, давшими набраться ума-разума стольким друзьям и товарищам, что будь эта коллективная моща применена в мирных целях, планету бы нашу давным-давно обуюла бы благоденствие.

Проспект Шевченко мы называли Бродом и дефилировали по нему от Дома Офицеров мимо Политеха и гастронома №17 на углу в седьмом номере, мимо «шестерки», «железнодорожников» и «канатчиков» до гастронома «Аркадия» и кафе «Волошка» в здании ЧерноморНИИ-проекта, а потом и сквозь парк аж до Пионерской, где уже можно было и нарваться; дефилировали и зимой, и летом во всей своей красе, аж пока юность не закончилась.

А по Гагарина и ныне любой свободный человек может легко достичь и Канатной, и Сегедской, и Фонтанской дороги и опять же Среднефонтанской, а обернувшись, всякий раз видеть, не без удовольствия, у истоков проспекта нашу славную киностудию на Французском бульваре.

Уже названные дороги, улицы и переулки вполне уместаются на площади в полтора-два квадратных километра и с ответвлениями через Пушкинскую на Приморский бульвар с пушкой, Пушкиным и Дюком, и мэрией с Гермесом в нише с мешком денег, и даль-

ше ко дворцу Воронцова и Колоннаде, этой грации над грациями, а свернув с Пушкинской на Дерибасовскую сквозь Горсад на Преображенскую и по Пастера до Торговой, где на углу стоит пока, Слава Тебе Господи, трехэтажный Дом Фундуклея с сохранившимся камином, у которого сиживали, и паркетом, по которому скользили на балах сам славный граф Воронцов, его супруга, графиня, и молодой опальный Александр Сергеевич, – с этими ответвлениями (и ещё другими, – ну хотя бы Большим Винным Кругом и его укороченным вариантом – Малым, – каноническими маршрутами последовательного посещения за один марш-бросок любимых винарок, – как без них! – всего не перечислишь) составляют (вкратце) ареал мест, любезных сердцу нашему, поелику заполнены внахлест до отказа вспышками нашей памяти о воплотившихся здесь в своё время дружбах и любовях, триумфах и крахах, отчаяниях и восторгах...

А трамвайные маршруты у нас это вообще отдельная песня.

Сядь себе, к примеру, в двадцать девятый и баюкайся, мечтая о своём, аж до самого Лютдорфа. Или запрыгни в пятый трамвай и отправляйся на Староконный, а там уже, хошь, не хошь, а проникнешься восхищением от разнообразия дарованной (на время) тебе Творцом жизни и её проявлений и представителей.

Не забыть, конечно, и Лейтенантский переулочек с Лейтенантским спуском с неизменным на нём ощущением залихватскости; и тут же рядышком улочки Уютная с Ясной и Радостной, и когда б сюда ни ступил, – по okazji или по праздности, – тишь волшебная тут да блажь, и вкуснейшим образом дышит, и мечтается ни о чём; в трёх чудесных этих кварталчиках время движется по-вальяжному под неслышимый густой мотив...

Если выпадет день ходьбы, то рискнём направиться к морю переулком Веры Инбер, насквозь, и свернём над обрывом у границы оползня, и отыщем на уцелевшей стороне улицы домик-музей Паустовского; здесь всегда есть над чем умом пораски-

нуть и прочувствовать связь времён; а хозяева здесь радушны, и в красивых чашках нам – чай...

Можно ж ещё и на катере проважировать по заливу. И причалить в конце концов к Золотому Берегу, берегу детства... Да о чём вы говорите!

А наши склоны над морем... Их куда приладить, к каким географиям?..

Приведём тут одну цитату из опуса, который так и называется «Пижоны с Новоаркадиевской»:

«Там, где в Новоаркадиевскую дорогу сверху от бульвара впадает улица Пионерская и убегает дальше вверх к ипподрому, была тогда еще раздольная площадь с могучим гранитным валуном, но не по центру, поперек всех течений, а по-умному, на траве на косогоре с северо-востока наискось от камышового болотца на другой стороне. Потом в гранит чугунными свайками вколотят мраморную доску с начертанным на ней обещанием возвести тут основателю Одессы генералиссимусу Суворову Александру Васильевичу его бронзовую всенепременно конную статую. Занятно всё же б знать, куда деваются вдруг за ночь все клятвы с обещаниями? Где их строгий накопитель ко дню Страшного Суда? Ну, не могут же они, право, все без исключения и каких бы-то ни было последствий растаскиваться по дачам да поместьям сильных мира сего под стать кованым решеткам с Французского бульвара? Должны же быть и другие версии».

Дабы сей сумбур признания в любви родному городу не завершать на грустном, поделюсь, друзья, давним своим ощущением. Оно сводится вот к чему: экзистенциальность Одессы и одесситов кратко выражается одним словом – «ИЛИ!». Это слово с восклицательным знаком как утвердительный ответ на любой вопрос, будь то риторический, общий, разделительный, альтернативный или какой вы только хотите.

Вы меня поняли?

Ответ очевиден.

Как много «или!» в наших улицах, в наших улыбках и умолчаниях, в наших проходных дворах и тупиках с потайными лазами. Отсюда и объем свободы, господа. Тем, собственно, и славимся.

Александр Бирштейн

Воспоминания о лете

Летом одесситы просыпаются рано, звеня с налета унитазами от нахлынувших чувств.

Унизительная жара тоже просыпается, но от шума, а вставать не спешит. Зачем так рано подниматься? Успеется...

Появляются первые прохожие, спеша, а ближе к парку – толкаясь. Они нагружены провизией и жадной приключений. А приключений хватит на всех, едва толпа станет стройной колонной, марширующей на Ланжерон.

Шесть утра – самое время топтать ногами в сандалиях не на босу ногу.

Пробегающие мимо физкультурники-пенсионеры привычно спрашивают:

– Кто играет? – забыв, – склероз! – что на стадион толпами уже давно не ходят.

– Наши! – сурово отвечают им шутники.

– Какие наши? – причитают пенсионеры. – Там и наших-то нет...

Но их не слушают.

Лестница, ведущая на Ланжерон, уже не вмещает желающих, и народ топает вниз по склонам, доводя почву до кондиции плохого асфальта.

Места на пляже занимают без боя, – все свои! – но с перебранкой.

– Шоб я тебя тут в полдень видел!

– Ага, шоб я в полдень тебе тут место уступил!

Счастливицы уже пробуют ногой воду, потом входят в нее, радостно и демонстративно визжа.

Вода чиста и прозрачна, как бюджет инженера.

– Хорошо! Нет, вы не знаете, как хорошо-о-о-о!

– Знаем, знаем, мы и сами местные-е-е-е!

Первые насладившиеся уже выходят из воды и устраиваются поудобней на своих подстилках.

На свет появляется провизия: хлеб с маслом, по-

мидоры и крутые яйца. Кофе из термоса, конечно, не эспрессо, но бодрит, вы знаете, бодрит.

«Завтрак на траве», конечно, хорош, но на пляже он гораздо лучше. И барышень, тщательно раздетых для такого случая, хватает. Они даже общаются!

– Я хожу только на Ланжерон, – сообщает одна, – а в Аркадию ни ногой. Там так грязно... И вирусную эрекцию подхватить можно...

Народ сочувственно смеется.

Часы добираются до полвосьмого.

– Пошли купнемся напоследок! – сообщают себе граждане. И идут. Хочется же!

Потом каждый являет миру затейливый аттракцион снимания мокрых трусов и надевания сухих под якобы прикрытием полотенца.

Но это еще что! Ведь впереди увлекательное зрелище чудес эквилибристики при надевании носков!

Нестройные толпы устремляются вверх, кто спеша, кто не очень. Одни начинают работу в полдевятого, другие в девять, третьи в «начальство не опаздывает, а задерживается»...

Жара, опомнившись, начинает умничать, по-сильно пособляя хозяйкам, жарящим рыбу.

Просыпаются «гости города». Они не понимают, что проспали, зато понимают, что поход «на море» неизбежен, как и лозунг «Зачем тогда ехали?» Песок, не успевший остынуть после утренних гостей, неохотно принимает их в себя. Провизия из расчета – дневной рацион штангиста-тяжа на одного, питье – от компота до самогона, дети и карты. О, они тут надолго. До конца отпуска!

А во дворах тем временем аврал. Стиральные машины теперь у всех, но белье все равно сушить

надо. Вот и протянуты, как и пятьдесят, семьдесят, сто лет назад, вдоль двора веревки, а на них простыни, наволочки, простыни, наволочки. Гостей нынче прибыло. Эх, хорошо дружить семьями с троюродным братом жены товарища!

Цены на Привозе растут, как чужие дети. О Новом и говорить страшно.

– Зато на вашем Привозе обвешивают!

– А на вашем Новом нет?

– Тоже, конечно, но не так!

А пока газовые плиты – эти аналоги примусов – горят синим пламенем. Обожженные солнцем придут гости. Красные лица, голодные глаза, слезка или сильно облезшие тела. Потребление сметаны возросло в разы. Говорят, она, если ей намазаться, спасает от ожогов. Может, и не врут.

Кондиционеры, включившись в общий ритм, заводят «Песню о Буревестнике».

...А в Одессе, возле моря,

Ветер туч не нагоняет...

Это к тому, что о дожде помнят только старожилы.

– Была черная-черная туча. И нависла она над городом. И прогремел гром. И...

– Эх, было же время! Жили же люди! – завистливо вздыхают слушатели.

Зато хорошо на дачах. Дорожки политы, гости отправлены «в город» в Оперный – вы ж такого в своем (далее идет список городов всего мира, где нужно надо произвести) не увидите! Гости верят и отчаливают.

Покой! Веранда. Чай с вареньем. Что-то полезное для сна по телевизору.

И даже одинокое соло комара кажется своим и близким.